

Р. А. БУДАГОВ

К ТЕОРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1

Специалисты считают, что от Платона и Аристотеля до наших дней согласие между философами разных направлений всегда было исключением, правилом же — несогласие¹. Почти то же можно сказать и о лингвистике в ее историческом движении, в частности, и о синтаксических теориях. Расхождения начинались и начинаются уже с обоснования того, что такое синтаксис и какими методами его следует изучать. Не до конца ясными и сложными остаются отношения между синтаксисом отдельного языка, синтаксисом родственных языков и типологическим синтаксисом. Еще менее разработана теория взаимоотношений синхронии и диахронии в синтаксисе. И это несмотря на бесчисленное количество публикаций по отдельным синтаксическим вопросам тех или иных языков.

Допустим, что синтаксис отдельного языка — понятие достаточно определенное; тогда как же следует толковать синтаксис ряда родственных языков? Как расширяются границы синтаксиса при типологическом его изучении?

Дело в том, что синтаксис двух родственных языков обычно во многом бывает несходным даже тогда, когда морфологически эти языки мало чем отличаются друг от друга. В современном португальском языке бытуют формы личного инфинитива, неизвестные испанскому языку. В свою очередь испанский язык лишь формами *pretérito anterior* морфологически отличается от португальского, тогда как синтаксические системы обоих языков во многом и существенном несходны. Времена испанского глагола, морфологически почти совпадающие с временами португальского глагола (исключение *pretérito anterior*), синтаксически функционируют в двух языках неодинаково. Следовательно, при сравнительном изучении родственных языков синтаксические проблемы приобретают особое значение. Как увидим, сама природа синтаксиса обуславливает необходимость функционального к нему подхода.

Проблема формы и содержания является центральной в синтаксисе. Здесь эта проблема уточняется как проблема формы и функции или как проблема формы и функции содержания формы. То или иное решение этой центральной проблемы обычно приводит к прямо противоположным выводам.

Синтаксические конструкции нередко рассматриваются абстрактно, в изоляции от многообразных форм материального наполнения этих конструкций в каждом конкретном языке. Одновременно в наши же дни, теперь уже все чаще и чаще, проводятся опыты построения «контекстно-чувстви-

¹ Т. И. Ойзерман, Главные философские направления (Теоретический анализ историко-философского процесса), М., 1974, стр. 3.

тельных грамматик»², в которых прослеживается разное поведение и разная функция синтаксических конструкций, находящихся в прямой зависимости от конкретного материала языка. В этом случае лингвисту уже совсем не безразлично синтаксическое поведение частей речи в зависимости от их семантики, например, глагола *скудеть* в русском языке: *озеро не скудеет рыбой; в сердце не скудеет нежность*. Семантика глагола *скудеть* оказывается «чувствительной» к тем или иным синтаксическим построениям, как и сами подобные построения — к семантике глагола³.

Но здесь сейчас же возникает другая, еще более сложная проблема. Как понимать зависимость синтаксиса от лексики? Быть может, лексика — это содержание синтаксиса? Синтаксис — форма, а лексика — содержание? Нужно с самого начала подчеркнуть, что это совсем не так. При всей важности постоянного и систематического взаимодействия синтаксиса и лексики, лексика не является содержанием синтаксиса, подобно тому как и синтаксис — не форма лексики. В последующих строках будет сделана попытка показать, что синтаксис располагает с в о и м и с о д е р ж а т е л ь н ы м и к а т е г о р и я м и, обнаружить которые можно в процессе изучения функций синтаксических категорий⁴.

На протяжении ряда десятилетий в лингвистике неоднократно возникал спор о том, существуют ли в индоевропейских языках «пустые предлоги» (обычно без кавычек) или не существуют. При этом под пустыми предлогами понимаются предлоги, не имеющие самостоятельного лексического значения. Так, например, один из самых распространенных французских предлогов — предлог *de* считается пустым (иногда к нему присоединяют и предлог *à*), а предлоги, например, *pour* «для» или *jusque* «до» — знаменательными⁵.

Для теории синтаксиса характерна сама постановка вопроса о пустых предлогах. В многочисленных работах на эту тему все сводится к тому, имеет ли тот или иной предлог в конкретном языке лексическое значение или не имеет. Если самостоятельного лексического значения у предлога обнаружить не удастся, то он объявляется пустым. Насколько мне известно, до сих пор никто не сформулировал вопроса иначе: почему, собственно, отсутствие лексического значения должно превращать предлог в пустой? Разве синтаксическая функция предлога (часто весьма важная) — это пустая функция? Получается, что исследователи ищут категорию значения только в сфере лексики, лишая синтаксис своих содержательных категорий. Это, разумеется, неправомерно.

Предлог *de* в таких аналитических языках, как французский или английский, действительно не имеет никакого лексического значения, но он располагает важнейшими синтаксическими значениями, выполняя многообразные синтаксические функции в словосочетаниях и предложениях. «Пустота» в лексическом плане оборачивается «заполненностью» в синтаксическом плане. При всей важности взаимодействия лексики и граммати-

² Подзаголовок «Опыт построения контекстно-чувствительной грамматики» имеет, например, книга Е. И. Шендельс «Многозначность и синонимия в грамматике», М., 1970.

³ Между тем еще в 1937 г. Р. Карнап утверждал, что «значения слов совершенно несущественны для синтаксиса» (R. Carnap, *The logical syntax of language*, London, 1937, стр. 3).

⁴ Т. П. Ломтев (см. его статью «Вопросы выбора глагола» в сб. «Проблемы двуязычия и многоязычия», М., 1972, стр. 343) утверждает, что «правила вхождения лексики» в структуру предложения относятся не к лексикологии, а к синтаксису. Это верно. Но автор тут же подчеркивает, что в случае изгнания лексики из синтаксиса произойдет «оскудение синтаксиса как науки». Вопрос о том, имеет ли синтаксис свои содержательные категории, при такой постановке вопроса остается открытым.

⁵ G. G o u g e n h e i m, *Y-a-t-il des prépositions vides en français?*, в его кн.: *Études de grammaire et de vocabulaire français*, Paris, 1970.

ки их нельзя смешивать, нельзя не различать. К тому же подобное смешение обедняет понятие синтаксиса, лишая его своих, весьма существенных, содержательных категорий.

Известно, что в некоторых романских и германских языках имеется особая форма длительного настоящего времени. Действие, передаваемое подобной формой, обычно мыслится как ограниченное во времени. Поэтому можно, например, сказать *The man is standing in the garden* «Человек находится в саду», но нельзя сказать *The house is standing in the garden* «Дом стоит в саду», так как дом обычно не может стоять в «ограниченном периоде времени». Создается впечатление, что все определяется только лексикой, как будто бы подтверждая тем самым схему: лексика — содержание, синтаксис — форма.

Конструкция «длительного настоящего» (в английском, в испанском и в некоторых других языках) действительно обобщает сотни случаев, подтверждающих семантику этого времени. Оно ограничено в своей протяженности. Само по себе подобное обобщение не зависит от лексики. Лексика может лишь ограничить сферу употребления длительного настоящего, не допустить его распространения на те или иные словосочетания, но лексика не в состоянии опровергнуть синтаксическую семантику этого времени. Поэтому, когда говорят, что длительное настоящее означает настоящее, ограниченное определенным периодом (ср. в испанском *trabajo* «я работаю», но *estoy trabajo* «я работаю в данное время»), то выявляют синтаксическую семантику, в типовом отношении не зависящую от лексики. И это естественно. В синтаксисе имеется своя категория содержания, как имеется она и в лексике. Эти категории соотносительны, но отнюдь не тождественны.

Совсем недавно между специалистами возникла полемика, насколько романские языки (в первую очередь испанский и итальянский) отличаются от английского в сфере употребления описательных форм, передающих семантику глагольной длительности. Х. Мэрченд, в частности, утверждал, что английский язык более строго, чем языки романские, дифференцирует глаголы допускающие и глаголы, не допускающие описательные формы⁶. Его оппоненты показали, что это не так. В итальянском, например, возможно построение типа *stava rimestando* «я вспоминал» («находился в состоянии воспоминания»), но аналогичная конструкция едва ли возможна с глаголом *dire* «говорить»⁷. Хотя синтаксическая конструкция и находится во взаимодействии с семантикой разных глаголов, но подобная семантика выступает в своем категориальном обобщении (допускаются одни типы глаголов, не допускаются другие типы глаголов), характерном для синтаксиса. Через «голову», казалось бы, отдельных глаголов синтаксис взаимодействует с определенными типами глаголов.

Категория принадлежности в современном французском языке передается, как известно, чаще всего с помощью предлога *de*: *le livre de Pierre* «книга Петра». Но в старофранцузском (до XIV в.), где аналогичная конструкция тоже уже была широко распространена, многое зависело от семантики второго имени существительного. Если речь шла о неодушевленном имени, встречалась уже эта конструкция, если же речь шла об имени одушевленном (прежде всего о человеке), то предлог *de* еще не употреблялся. Отсюда различие, бытовавшее в старом языке: с одной стороны, *la table de bois* «деревянный стол» (современная конструкция), с другой — *la nièce le duc* «племянница герцога» (несовременная конструкция, где отношение выражено старым косвенным падежом и где еще нет предлога).

⁶ H. Marchand, On a question of aspect, «Studia linguistica», IX, 1955.

⁷ A. Hatcher, M. Musa, On a certain pattern, «La linguistique», 1970, 1.

Старофранцузская «конструкция принадлежности» была более дробной, менее обобщенной, чем современная конструкция. Но и старофранцузская конструкция уже обобщала определенные типы значений. Понятия одушевленности и неодушевленности в грамматике выступают как понятия категориальные.

Итак, как правило, в синтаксис «вмешивается» не семантика отдельных слов, а семантика определенных (более общих или менее общих) категорий.

Возможна и ситуация иного рода. Известно, что в большинстве романских языков перфектная форма глагола передает значение заверченного действия. Практически, однако, во многих литературных текстах перфект может сочетаться с наречиями и наречными оборотами, имеющими противоположное значение (повторяемость действия). Например, у Сервантеса в «Дон Кихоте» (т. 1, гл. 5) «*tuchas veces le aconteció á mi señor*» «Много раз это случалось с моим господином» (буквально: *случилось*, но *много раз* придает глаголу значение неоднократности). В итальянском у Мандзони («Обрученные», гл. 8): «*invitò poi più volte Lucia*» «затем много раз он пригласил Лучию» (буквально: *пригласил*). Во французском у Мопассана («Милый друг», гл. 3): «*plusieurs fois il dit tout haut*» «много раз он говорил громко» (буквально: *сказал*).

Опровергают ли подобные примеры категориальное значение романского перфекта (законченность действия)? Нет, не опровергают. В подобных случаях особенно необходимо различать лексическое и синтаксическое значения. Романский перфект сохраняет свое категориальное значение законченности действия, но лексика, в приведенных примерах с помощью наречного словосочетания *много раз*, осложняет это значение. Создается взаимодействие синтаксического и лексического значений, которое временно может «перетянуть» в ту или иную сторону, но не свести на нет своеобразие каждого из этих двух типов значений. К тому же количественное соотношение между типичными и нетипичными употреблениями перфекта выражается примерно в пропорции 9 к 1. Имеется в виду «средний» разговорный тип речи, с колебаниями в ту или иную сторону в разных языках и в разных стилях⁸. Вместе с тем приведенные примеры свидетельствуют о том, что синтаксическое значение, даже на одном синхронном «срезе», подвижно и может осложняться под влиянием стилистических тенденций языка и индивидуальной манеры крупных писателей. И все же нет никаких оснований отрицать основное значение грамматической формы, грамматической конструкции, как это теперь часто делают: оно сохраняет свою категориальную определенность.

2

Следует различать два понятия: специфику синтаксиса и автономность синтаксиса. Обычно считают, что признание первого неизбежно вызывает и признание второго⁹. Это не так. Синтаксис, безусловно, имеет свою специфику, вместе с тем он не автономен, он постоянно и глубоко взаимодействует с морфологией и словообразованием, с одной стороны, с лексикой, лексикологией и стилистикой — с другой. Но синтаксис сохраняет свою позицию.

Уже в 30-х годах об автономности синтаксиса писал Л. Теньер. Он утверждал, что такие внешне совсем несхожие конструкции, как *liber*

⁸ См. об этом: Р. А. Б у д а г о в, Проблема семантики перфекта во французском языке, «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та», Серия филол. наук, 5, 1941.

⁹ См., например, главу «Автономность синтаксиса» в кн.: V. B r ø n d a l, Essais de linguistique générale, Copenhagen, 1943.

Petri «книга Петра» и *le livre de Pierre*, относятся «к одному и тому же синтаксическому явлению», так как в обоих случаях выражается «одно и то же значение принадлежности»¹⁰. При подобной постановке вопроса возникает опасность сведения автономности синтаксиса к универсальности логических отношений. Собственно от синтаксиса ничего не остается. Становится совершенно неясно, что же должен изучать, в частности, сравнительный синтаксис, если различия в структурных отношениях между языками его интересовать не могут. Рецидивы подобных взглядов встречаются и в наши дни у тех ученых, которые отождествляют логические и синтаксические отношения¹¹.

Совсем недавно М. И. Стеблин-Каменский писал, что по существу нет принципиального различия между логическим истолкованием предложений типа *Шопот. Робкое дыхание* и предложений типа *Шопот наличествует. Имеющее место дыхание характеризуется робостью*¹². Но синтаксису совсем не безразлично, как выражается одно и то же логическое содержание. Больше того. Различие в специфике языковой передачи логического содержания и образует «душу» синтаксиса — и в том случае, когда подобное различие обнаруживается в пределах одного языка (разные типы предложений), и в том случае, когда речь идет о несходстве между разными языками (межъязыковые синтаксические расхождения). Совершенно независимо от поэтической интонации двух первых предложений они образуют в самом языке особый тип, который надлежит тщательно исследовать в синтаксисе.

Было бы несправедливо считать, что несходство синтаксических структур вообще не имеет никакого отношения к логике и семантике. Сравним построения типа *Ученик пишет, В доме тишина* с построениями иного типа *Я никуда не пойду, Только с тобой*. Вслед за новой грамматикой русского языка необходимо признать, что предложения первого типа сами передают определенное сообщение, тогда как предложения второго типа ясны лишь в определенной ситуации и могут оказаться не вполне ясными в другой ситуации¹³.

Специфику синтаксиса надо искать не в изоляции синтаксиса и не в стремлении отождествить синтаксис и логику (в чем же тогда специфика каждого?). Специфика синтаксиса определяется его функцией: передавать и выражать мысли и чувства людей средствами, которыми он располагает (разумеется, наряду со средствами, находящимися в распоряжении лексики, морфологии, фонетики, интонации и т. д.). В этом отношении синтаксис не автономен. Как и язык в целом, синтаксис всегда находится на службе самого человека, его мыслей и чувств, его «коммуникабельности».

Остановимся еще на одной новейшей попытке обосновать автономность синтаксиса. Исследователь сравнивает французские словосочетания *le kilo de raisin* «килограмм винограда» и *l'air de famille* «семейное сходство» и утверждает, что предлог *de* выполняет в обоих словосочетаниях «одну и ту же функцию принадлежности». Кто же усматривает здесь разные функции предлога *de*, тот, по мнению этого лингвиста, растворяет синтаксис в семантике и смешивает его с лексикой¹⁴. Как и в работах Теньера

¹⁰ L. Tesnière, Comment construire une syntaxe, «Extrait du Bulletin de la faculté des lettres de l'Université de Strasbourg», 1934, стр. 229.

¹¹ О синтаксических взглядах Н. Хомского я не говорю, так как они резко меняются каждые два-три года. См.: Ch. Hockett, The state of the art, The Hague, 1968, особенно стр. 105—106.

¹² М. И. Стеблин-Каменский, Называние и познание в теории грамматики, ВЯ, 1971, 5, стр. 36.

¹³ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 541.

¹⁴ F. F r a n ç o i s, Del' autonomie fonctionnelle, «La linguistique», 1970, 1, стр. 11.

30-х годов, здесь делается попытка отделить синтаксическую функцию от функции семантической и тем самым обосновать «автономию синтаксиса».

Чтобы понять, в чем неправ этот современный исследователь, необходимо вновь вернуться к взаимодействию формы и содержания в синтаксисе. В словосочетании *le kilo de raisin* предлог *de* передает отношение количества, в словосочетании же *l'air de famille* тот же предлог *de* выражает уже другое отношение — определительное. Если согласиться с Ф. Франсуа, что «это одно и то же», тогда снимается проблема взаимодействия формы и содержания. Именная модель с предлогом *de* становится универсальной. Между тем разграничение таких понятий, как «отношение количества» и «определительное отношение», не может привести к смешению синтаксиса и лексики, так как каждое из этих двух отношений обобщает сотни отдельных количеств (*кило винограда, кило яблок, кило гвоздей* и т. д.) или сотни отдельных определительных отношений (*семейное сходство, духовное сходство, физическое сходство* и т. д.). Понятие количества и понятие определения выступают здесь в своих обобщенно-синтаксических значениях и уже этим отличаются от аналогичных понятий в лексике.

Здесь же возникает другая проблема — многозначность синтаксических средств языка. Выполняя разные синтаксические функции, один и тот же предлог *de* формирует разные синтаксические конструкции. Среди этих функций обычно выделяется основная, наиболее типичная и характерная, подобно тому, как и в полисемантическом слове обычно выделяется его центральное значение, наиболее распространенное в данную эпоху.

Вопрос о дроблении синтаксических категорий на своеобразные подкатегории, так же, как и вопрос о «потолке» обобщений в каждой синтаксической конструкции, сложен. Здесь нет и не может быть общих рецептов. Необходимо исследование материала отдельных языков, групп родственных и неродственных языков. В свое время Потебня прекрасно показал, что значат отдельные подкатегории в общей системе творительного падежа в славянских и некоторых других индоевропейских языках. Творительный места, времени, орудия, образа действия, причины и некоторые другие были им установлены на материале конкретных языков¹⁵. Творительный места или творительный времени выступают как подкатегории общей категории творительного падежа, а сам творительный падеж — как частная разновидность падежа вообще. И здесь возникает проблема предела дробления одной категории на ее видовые разновидности.

У самого Потебни были и колебания: где проходят границы одного падежа? Не образуют ли разновидности творительного падежа самостоятельные падежи? Напрашивалась аналогия с полисемантическими словами, отдельные значения которых иногда, в определенных условиях, откалываются от основных значений слов. И все же Потебне удалось миновать опасные рифы на пути этого трудного исследования и блестяще показать сложное и многогранное соотношение общего значения падежа и его частных разновидностей.

Быть может, еще труднее решить, где в подобных случаях проходят границы морфологии и где — границы синтаксиса. На эту тему написаны многие сотни работ, но проблема продолжает оставаться открытой. К каким только ухищрениям не прибегали лингвисты, какие только новые термины не вводили! Между тем проблема и сложна и проста одновременно. Она сложна при неясности исходных позиций, но она же может

¹⁵ См. главу «Творительный падеж» в книге А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», 2-е изд., Харьков, 1888, См. также вступительную статью С. Б. Бернштейна к сборнику «Творительный падеж в славянских языках», М., 1958.

оказаться простой, если вернуться к положению о постоянном взаимодействии формы и содержания в синтаксисе.

Падеж — категория морфологическая, но функция падежа — категория синтаксическая. Предлог — категория морфологическая, его же функции в словосочетании или предложении — категория синтаксическая. То же следует сказать и о других частях речи и о других грамматических категориях. Меня могут упрекнуть в непоследовательности: я же сам возражал против такого понимания соотношения лексики и синтаксиса, при котором лексика оказывается содержанием, а синтаксис формой. Но лексика и грамматика (грамматика в целом) — разные аспекты языка, тогда как морфология и синтаксис вместе формируют грамматику, вместе цементируют грамматическую структуру языка. Поэтому и неудивительно, что морфологические категории функционально раскрываются главным образом на уровне синтаксиса.

Но следует ли говорить о тройном соотношении в синтаксисе — форма, функция, значение — или функция и значение в синтаксисе совпадают? На мой взгляд, функция и значение в синтаксисе всегда стремятся к сближению. Само выявление и осмысление синтаксической функции связано с выявлением и осмыслением значения этой функции. В свое время Л. Ельмслев и его последователи утверждали, что лишь формальное совпадает с функциональным. Когда говорят, например, что конъюнктив в романских и германских языках — конструкция синтаксического подчинения, то тем самым дают функциональное определение конъюктива¹⁶. Но это не функциональное определение. Типы синтаксического подчинения могут быть самыми различными, и их функции тоже различны — как в пределах одного языка, так, особенно, между разными языками.

Сравним одно и то же предложение в итальянском, испанском и французском. *Credo che sia vero* «я думаю, что это верно» (глагол *credere* «думать, полагать» сочетается с конъюнктивом последующего глагола *sia*), *creo que es verdad* (здесь второй глагол в индикативе), *je crois que c'est vrai* (второй глагол тоже в индикативе, как и в испанском, но не как в итальянском). Синтаксическое подчинение в итальянском тем самым более последовательно ассоциируется с конъюнктивом, чем в испанском или французском. Самое же существенное в том, что связь конъюктива с подчинением сама по себе еще не определяет, как функционирует конъюнктив в том или ином языке. В одних языках и в одних конструкциях конъюнктив может частично передавать свою функцию лексике (глаголы типа *думать*, *полагать*, *надеяться* и пр. уже сами напоминают о модальном значении), в других же языках он этого сделать либо не может, либо осуществляет подобный процесс «передачи» иначе, иными средствами и иными ресурсами.

Пример с конъюнктивом дает возможность еще раз показать различие между категориями значения в лексике и в синтаксисе (при их же непрерывном и постоянном взаимодействии). Если сомнения, предположение, пожелание, неуверенность и т. д. выражаются самой семантикой глаголов типа *думать*, *предполагать*, *считать*, мы имеем дело с лексическим значением. Если же аналогичные категории передаются нейтральными по своей семантике глаголами типа *быть*, *иметь*, но находящимися в форме конъюктива, выступает вперед синтаксическое значение.

Как я уже пытался показать, понятие функционального в синтаксисе всегда стремится опереться на понятие смыслового. Установив функцию творительного падежа в *писать пером* (творительный орудия или средства действия) в отличие, например, от функции того же падежа в *есть днем*

¹⁶ L. Hjelmslev, La notion de rection, AL, 1, 1939, стр. 14. Развитие этих идей см.: G. Mougnet, Essai sur le mode subjonctif en latin post-classique et en ancien français, Paris, I—II, 1959.

(творительный времени), тем самым устанавливают и значение каждой конструкции.

Иногда, однако, проблема осложняется. Хорошо известно, что в ряде славянских языков прямое дополнение может выражаться и винительным и родительным падежами в зависимости от семантики всей конструкции: *купить хлеба* (родительный падеж части или родительный разделительный — какую-то часть хлеба), *выпить молока*, но *выпить все молоко* (винительный падеж). На этом основании иногда говорят, что функция и значение — это разные категории. Родительный и винительный падежи здесь выполняют одну функцию (прямое дополнение), тогда как их семантика неоднородна. Думается, однако, что подобные случаи не дают основания для противопоставления функции и значения функции. Известно, что в русском языке переходные глаголы управляют не только винительным, но и родительным падежом без предлога в большинстве случаев совершенно независимо от разделительного значения родительного падежа. Если в *купить хлеба* такое значение ощущается, то в *хотеть славы* или в *достигать известности* его уже нет¹⁷.

И все же различие между *выпить молоко* и *выпить молока* поучительно. Синтаксическая дифференциация такого типа заставляет осторожнее формулировать тезис о единстве функции и ее значения. Функция лишь стремится опереться на значение, а значение лишь стремится наполнить содержанием функцию.

3

В новой грамматике русского языка находим такие разделы: «Связь, при которой управляемая форма восполняет информативную недостаточность управляющего слова»¹⁸. Действительно, семантика, например, глагола *поступать* в сочетании *поступать на работу* иная, чем семантика того же глагола в сочетании *поступать хорошо* или *поступать смело*. В «Грамматике» такие случаи обобщаются, выделяются определенные группы глаголов, сочетающиеся с разными падежами и разными предлогами. Подобные примеры, однако, не свидетельствуют о том, что отмеченные два типа значений (синтаксический и лексический) перестают различаться. Напротив, они лишь отчетливее обрисовываются. *Поступать на что-нибудь* (службу, работу, кафедру и пр.) — это конструктивно обусловленное значение, лишь реализующее одно из лексических значений, уже собственное полисемантическому глаголу *поступать* или могущее у него возникнуть. В. В. Виноградов, в свое время предложивший термин «конструктивно обусловленное значение», не связывал, однако, этот термин с разграничением лексического и синтаксического значений¹⁹.

Присмотримся внимательнее к характеру подобного разграничения. Для этой цели вернемся к функциям предлогов в романских языках.

Особое положение предлогов, как и других служебных частей речи, издавна привлекало к себе внимание не только лингвистов. В свое время Бертран Рассел весьма остроумно иллюстрировал различие между самостоятельными и служебными частями речи. Чтобы объяснить ребенку, что такое *лев* или *слон*, достаточно повести маленького человечка в зооло-

¹⁷ См. обширный материал в исследовании: А. И. Томсон, К вопросу о возникновении родительно-винительного падежа в славянских языках, СПб., 1908 (ИОРЯС, XIII, кн. 3).

¹⁸ «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 495.

¹⁹ В. В. Виноградов, «Основные типы лексических значений слова», ВЯ, 1953, 5. По мнению автора, конструктивная обусловленность «...лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов» (стр. 28).

гический сад и, показав ему клетку со львом или слоном, прибавить: вот это *лев*, вот это *слон*! Но еще никто не придумал, как столь же наглядно пояснить значение предлога *e* или союза *u* ²⁰. Даже если оставить сейчас в стороне вопрос о том, что и имена существительные не всегда столь «предметны», как в приведенном случае, мысль Рассела все же ясна. Семантика служебных слов абстрактна, тогда как семантика самостоятельных слов ²¹ если и не всегда конкретна, то всегда стремится к номинации предметов, явлений, понятий.

Любопытно, что абстрактность служебных слов вызывала и вызывает к ним пристальный интерес со стороны представителей математической лингвистики. Не может ли человек, — рассуждают они, — активно воздействуя на язык, сделать так, чтобы все слова напоминали структуру служебных слов и были бы лишены «обременительной вещественности»? Слова должны быть только знаками, только сигналами и по возможности только однозначными! Здесь-то и обнаруживается глубокое различие между искусственными языковыми построениями, вполне возможными для определенных технических целей, и естественными языками мира, которые выступают не только в своих узко коммуникативных устремлениях, но и как носители духовной культуры народов, говорящих на тех или иных языках.

Попробуем теперь уточнить на некоторых примерах центральное для настоящей статьи понятие синтаксического значения.

Латинскому словосочетанию типа *corona aurea* «золотая корона» (чаще «золотой венок») в романских языках соответствует конструкция с предлогом *de*: франц. *couronne d'or*, исп. *corona de oro*, итал. *corona d'oro*, порт. *coroi de ouro*, рум. *cinună din* (или *de*), то можно сказать, что функция предлога *de* в отношениях подобного рода (определятельных) в романских языках одинакова. А за пределами определятельных отношений? Как мы уже знаем, в одном только французском языке с помощью предлога *de* передаются весьма разнообразные отношения — определятельные, принадлежности, свойства, направления, аппозитивные и многие другие. Совпадают ли эти функции с соответствующими функциями предлога *de* в других романских языках? Пример «с золотой короной» как будто бы подсказывает положительный ответ на последний вопрос. В действительности в языковой практике все предстает сложнее и функции предлога *de*, совпадая в одних случаях, не совпадают в других.

Материал романских языков показывает, что объем именной модели с предлогом *de* в одних языках оказывается шире, в других — уже. Французскому предлогу *de* в итальянском соответствуют по крайней мере два предлога — *di* (этимологически из *de*) и *da*, а в румынском — *de* и *din*. Ср., например, итал. *l'affetto di mia madre* = франц. *l'affection de ma mère* «любовь моей матери», но франц. *le sujet de tragédie* = итал. *il soggetto da tragedia* «содержание трагедии», рум. *de lemn* = франц. *de bois* «деревянный», но франц. *de Moscou* = рум. *din Moscova* «из Москвы» и т. д. В свою очередь можно привести немало сопоставлений, при которых на месте одного из предлогов в итальянском или румынском выступают два или даже три предлога во французском.

В разных языках функции, казалось бы, одной и той же модели оказываются неодинаковыми. И здесь все сводится к тому, каким материалом на-

²⁰ Б. Рассел, Человеческое познание. Его сфера и границы, М., 1957, стр. 140. См. также: П. А. Флоренский, Мнимости в геометрии, М., 1922, стр. 7.

²¹ К сожалению, до сих пор обычно называемых знаменательными словами. Все слова по-своему знаменательны. В термине «знаменательные слова» вновь обнаруживается пренебрежение к синтаксическому значению как к значению особому.

полняется модель в разных языках и как дробится общая модель на разновидности в каждом языке (ср. разновидности одного падежа в одном и том же языке). Едва ли «знаковые схемы» в лингвистике сами по себе могут быть исследовательскими, о чем сейчас пишут многие ²². Я думаю, весь вопрос о том, как интерпретируются подобные схемы и каким содержанием они наполняются. Насколько возможно судить, именно здесь следует искать одно из отличий моделей языковых от моделей математических.

Стремясь хотя бы в известной степени показать всю сложность взаимодействия формы и содержания в синтаксической модели, остановлюсь немного подробнее на двух-трех таких моделях.

Известно, что во французском языке как языке аналитическом при определенных семантических условиях именные предложные сочетания стремятся образовать известные смысловые единства той или иной степени устойчивости (ср. *un chapeau de paille* «соломенная шляпа»). Можно экспериментально показать, что словосочетания подобного рода тяготеют к известному лексическому и синтаксическому единству. Обращение к здравому смыслу всегда существенно, но экспериментально не всегда убедительно. К тому же остается невыясненным, чем предложное сочетание такого образца отличается от беспредложного сочетания флективного образца (ср. русск. *соломенная шляпа*). Как показали статистические исследования последних лет, сочетания типа *un chapeau de paille* очень неохотно раздвигаются, чтобы пропустить сквозь свой строй другие слова, в частности, определения. *Un chapeau vert de paille* «зеленая соломенная шляпа» (буквально: «шляпа зеленая соломенная») встречается в современном языке гораздо реже, чем сочетание типа *un chapeau de paille vert*, где сохраняется контактное расположение первых двух имен. По подсчетам шведского лингвиста Карлссона, соотношение здесь 84% к 16% в пользу второй конструкции *un chapeau de paille vert* ²³.

В испанском, менее аналитическом языке, чем его французский собрат, первая конструкция с вторжением прилагательного (*el agua mineral de mesa*, буквально: «вода минеральная столовая») попадает чуть ли не в два раза чаще, чем во французском. Казалось бы, все объясняется разной степенью аналитичности двух языков, т. е. чисто формальными причинами. Между тем и здесь синтаксическое содержание вступает во взаимодействие с синтаксической формой.

Вот как это происходит. Приведенное процентное соотношение окажется иным, если мы присмотримся к фактору синтаксической семантики. Дело в том, что «выброшенное» к концу словосочетания прилагательное обычно обнаруживает тенденцию к предикации. Словосочетание *un chapeau de paille vert* более предикативно, чем словосочетание *un chapeau vert de paille*. Два первых существительных первого словосочетания, тяготея к сложному слову, тем самым предикуют последующее прилагательное. Во втором словосочетании этого не происходит. Прилагательное *vert* вторгается в потенциальную группу возможного словосочетания и поэтому попадает не в русло предикации, а в русло субстантивации. Синтаксическая форма взаимодействует с различными содержательными синтаксическими процессами (предикация, субстантивация).

В рекламных листках итальянских газет часто публикуются объявления типа *corsi celeri di dattilografia* «краткосрочные курсы машинописи». Прилагательное *celeri* («быстрые», «краткосрочные») легко вторгается в словосочетание *corsi di dattilografia*, так как здесь начинают взаимодей-

²² См., например: А. М. М у х и н, Структура предложений и их модели, Л., 1968, стр. 28.

²³ L. C a r l s s o n, Le degré de cohésion des groupes subst. + de + subst. en français contemporain, Uppsala, 1966, стр. 169.

ствовать два смысловых комплекса — «курсы машинописи» (*corsi di dattilografia*) и «краткосрочные курсы» (*corsi celeri*). Для фирмы, помещающей подобные объявления, одинаково существенно подчеркнуть и наличие подобных курсов и возможность их быстрого прохождения. В данном случае неважно, что импульсы подобного рода могут иметь внешний источник. Существенно прежде всего другое: что позволяет и чего не позволяет язык. И в том и в другом случае важно уметь обнаружить взаимодействие структурных моделей с их обобщенным синтаксическим значением.

4

В лингвистике есть два способа отрицания категории значения: либо прямое ее отрицание, либо утверждение, что «в языке все значение»²⁴. Для самой категории значения одинаково опасно и то, и другое. Если в языке «все значение», то становится совершенно неясно, что же такое значение. Да и как можно представить себе тезис «все значение», если язык немыслим без внешней оформленности, без форм в самом широком смысле. Если же оформленность — это и есть «все значение», то тогда наступает смерть значению, такая же смерть, как и при прямом отрицании значения. Крайности сходятся.

Прямое отрицание значения было характерно для некоторых направлений лингвистики в 50—60-е годы, тезис же «в языке — все значение» защищается в этих же направлениях в наши дни. Любопытно, что нечто сходное наблюдается и в отдельных литературоведческих концепциях, где постулат о том, что в художественном тексте все значение, становится весьма популярным²⁵. В этой связи хочется напомнить глубокую мысль К. Маркса: «... если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня ...»²⁶.

На мой взгляд, для теории синтаксиса неприемлемо и другое положение, находящее сейчас многочисленных сторонников, согласно которому «языка нет вне контекста». Разумеется, роль контекста в языке значительна, в синтаксисе — особенно. И все же следует трезво оценивать эту роль. Язык дан человеку объективно. И категории языка, в том числе и синтаксические категории, бытуют объективно. Предлоги и падежи, в частности, о которых велась речь в предшествующем разделе, могут уточняться, а иногда и видоизменяться в контексте, но если они имеются в том или ином языке, само их наличие не находится ни в какой зависимости от контекста. Все это существенно и для теории синтаксиса, который оперирует определенными категориями. Из положения о роли контекста никак не следует, что вне контекста языка вообще не существует. Здесь допускается двойная ошибка — логическая и фактическая.

На протяжении 50—60-х годов структура языка обычно противопоставлялась категории значения. Создавалось впечатление, что система и значение находятся друг к другу в обратной пропорциональности: чем более строго ведется структурное исследование, тем меньшее отношение оно имеет к семантическим проблемам языка, как и наоборот — семантические разыскания в любой сфере языка будто бы всегда обречены быть разысканиями антисистемными. Казалось, само понятие структуры враж-

²⁴ Второй тезис защищается, например, в работе: A. G r e i m a s, *Sémantique structurale*, Paris, 1966, стр. 5—7. Яркая рецензия на эту книгу принадлежит перу известного английского лингвиста С. Ульманна («Lingua», 1967, 3). См. также: R. J a k o b s o n, *Linguistics and poetics*, «Style in language», Massachusetts Institute of technology, 1960, стр. 376—377.

²⁵ См., например: Ю. М. Л о т м а н, Структура художественного текста, М., 1970, стр. 45—65.

²⁶ К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 25, ч. 2, 2-е изд., М., 1962, стр. 384.

дебно понятию сущности, понятию значения. Такой антагонизм сначала обосновывался в логике, затем он был перенесен и в лингвистику²⁷. Не касаясь здесь вопросов логики, замечу, что подобное противопоставление в лингвистике оказалось несостоятельным, так как система любого естественного языка не может не опираться на конкретную материю (сущность) этого же языка.

В последние годы у нас в стране было опубликовано немало книг, статей и сборников, посвященных роли системного анализа в разных науках²⁸. Рецензенты этих изданий недавно справедливо писали: «Будущее системных исследований связано... с наличием развитой содержательной плоскости в самих системных исследованиях. Только на этом основании можно ожидать в будущем теоретического синтеза»²⁹. То же следует сказать о системных исследованиях в лингвистике, и, в частности, в синтаксисе. Возникает старая, но забытая в последние два десятилетия проблема содержательного аспекта синтаксических систем, которая разрабатывалась у нас в стране такими лингвистами, как А. А. Потемкин, А. А. Шахматов, И. И. Мещанинов и некоторыми другими.

Нет никаких оснований считать, что категория отношения в синтаксисе вместе с тем сама же является и категорией значения. Сторонники этой доктрины отождествляют две разные категории. Возникает концепция, весьма напоминающая только что раскритикованную теорию, согласно которой «в языке все значение». Один из вариантов этой теории: в самом синтаксическом отношении все принадлежит значению; отношение поглощает значение. В результате вновь снимается проблема *взаимодействия* отношения и значения.

В свое время В. Мейер-Любке, очень много сделавший для развития романской лингвистики, утверждал, что у лексикологии и у синтаксиса «один и тот же предмет исследования», но только в лексикологии анализируются отдельные слова, а в синтаксисе — группы слов³⁰. Такая постановка вопроса, разумеется, устарела. В наше время она кажется наивной. Проблема сложнее. Лексикология интересуется не только отдельными словами, но и отношениями между ними. Нельзя, например, заниматься синонимами, не анализируя взаимодействия между ними. Весь вопрос в том, что отношения в лексикологии отличны от отношений в синтаксисе. В первом случае исследуются семантические отношения, во втором — синтаксические. То же следует сказать и об абстрактных категориях. Они бытуют не только в синтаксисе, но и в лексике. Однако это разные абстрактные категории. В лексике постоянно приходится иметь дело с абстракцией предмета или понятия, в синтаксисе — с категориальной абстракцией, в которой отношение передает обобщенное значение (принадлежности, свойства, законченности или незаконченности действия и десятки других аналогичного характера).

Особые проблемы возникают и перед историческим и сравнительно-историческим синтаксисом. За последние 20—30 лет в этой области сделано очень мало. В коллективной статье, написанной видными зарубежными учеными, утверждается, что структурная лингвистика, достигшая известных положительных результатов в области синхронии, почти ничего не

²⁷ Ср., например, утверждение одного из видных логиков: «Логика хочет остаться антисубстанциональной» (Ш. Серрюс, Опыт исследования значения логики, М., 1948, стр. 167).

²⁸ См. сборники: «Системные исследования», М., «Наука», 1969; «Проблемы формального анализа систем», М., 1968, и ряд других.

²⁹ ВФ, 1971, 1, стр. 153.

³⁰ W. Meyer-Lübke, Grammatik der romanischen Sprachen, III, Wien, 1890, стр. 2.

смогла дать историческому языкознанию³¹. Это же относится и к историческому синтаксису. Трудность проблемы обнаруживается здесь уже в том, что для говорящих на определенном языке людей синтаксис — такая система, нарушение которой воспринимается либо как недостаточное знание языка, либо как недостаточная общая грамотность. Надо говорить так, а не иначе («так не говорят»). В лексике же движение языка понять легче. К тому же здесь всегда уживаются рядом старое и новое, хорошо усвоенное и недостаточно усвоенное. Непонятное можно просто не употреблять или употреблять осторожно. В синтаксисе иначе. Здесь не только говорящим трудно разграничить синхронию и диахронию. С аналогичными трудностями сталкивается и синтаксическая наука. Это одна из причин, по-видимому, обусловившая слабую разработку исторического синтаксиса и, в особенности, сравнительно-исторического синтаксиса.

В свое время Е. Д. Поливанов, объясняя свою неприязнь к арифметическим задачам с товарными и курьерскими поездками, подчеркивал, что учебного-математика в этих случаях фактические (реальные) поездки совершенно не интересуют. Совсем иначе обстоит дело в лингвистике. Здесь без реального материала трудно что-либо сделать³². И это, разумеется, верно. Поливанов писал при этом о своей любви к осмыслению фактического материала, о науках, где роль подобного материала значительна. Проблема имеет и более общее значение. Разные науки, оперирующие понятием модели, вкладывают в него различное содержание.

В этой связи приведу еще один пример. При актуальном членении предложения, где, казалось бы, возможна любая формальная последовательность элементов, многое зависит от самого материала предложения. В греческом и латинском, в русском и польском, как и в большинстве других индоевропейских языков флективного строя, предложения без подлежащего — явление достаточно распространенное. Но в синтаксическом строе таких языков, как новофранцузский или ретороманский, бесподлежащие предложения — явление исключительно редкое и нехарактерное. Местоимения, неперенные спутники глаголов, в этих языках обычно выполняют функцию подлежащего. В зависимости от того, какой конкретный языковой материал попадает в распоряжение актуального членения, во многом зависит и членение самого материала. Между тем актуальное членение, казалось бы, должно преодолевать всякий барьер конкретного материала. В действительности этого не происходит.

Итак: 1) при всей важности постоянного взаимодействия синтаксиса и лексики не следует забывать, что синтаксис располагает своими содержательными категориями. Поэтому в науке о языке не могут бытовать такие ошибочные, дезориентирующие термины, как «незнаменательные части речи», «пустые служебные слова» и тому подобные представления; 2) проблема моделей и их синтаксического содержания («наполнения»), как и проблема дробления этих моделей на более частные разновидности и варианты, оказывается в центре теоретического синтаксиса; 3) как и в языке вообще, категория значения является центральной и в синтаксисе. Следует помнить, что противники этой категории выступают против нее с двух «противоположных», но по существу идентичных позиций: либо выводят значение за пределы языка, либо объявляют — «в языке все значение». Между тем вне категории значения синтаксис лишается своей «души» и превращается в сумму мертвых и условных «правил»³³.

³¹ U. Weinreich, W. Labov, M. Herzog, Empirical foundations for a theory of language change, сб. «Directions for historical linguistics. A symposium», ed. by W. Lehmann and Y. Malkiel, University of Texas-Press, 1968, стр. 98.

³² Е. Поливанов, За марксистское языкознание, М., 1931, стр. 172—173.

³³ Эти строки примыкают к статьям автора: «О предмете языкознания» (ИАН ОЛЯ, 1972, 5) и «Терминология и семиотика» («Вестник МГУ», Филология, 1972, 5).